

Томас Манн

**Собрание сочинений в десяти
ТОМАХ**

Том VIII

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
М23

Манн Т.
М23 Собрание сочинений в десяти томах: Том VIII / Томас Манн – М.: Книга по Требованию, 2021. – 470 с.

ISBN 978-5-458-45883-2

Настоящее издание представляет собой собрание сочинений известного немецкого писателя-прозаика, лауреата Нобелевской премии по литературе (1929) Томаса Манна (1875–1955). В собрание входят все известные произведения автора за исключением романа «Иосиф и его братья».

ISBN 978-5-458-45883-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ХОЗЯИН И СОБАКА

ОН ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗ-ЗА УГЛА

Когда весна и вправду заслуживает наименования лучшей поры года и я рано просыпаюсь под ликующие трели птиц, потому что накануне вовремя лег, я люблю еще до завтрака выйти на воздух, без шляпы погулять по аллее перед домом или пройти в парк — подышать утренней свежестью и хоть немного насладиться ясной чистотой утра, перед тем как уйти с головой в работу. На ступеньках крыльца я останавливаюсь и свищу, свищу две ноты, тонику и кварту вниз, похожие на начало второй темы шубертовской «Неоконченной симфонии», — это сигнал или, если хотите, переложенное на музыку имя из двух слогов. И в то же мгновение, пока я иду к калитке, до меня издали доносится сперва еле слышное, а потом уже громкое и явственное позвякивание, — это жестяной номерок бьется о металлическую отделку ошейника, и, обернувшись, я вижу Баушана, который стремглав огибает дальний угол дома и мчится ко мне во весь опор, словно задавшись целью непременно сбить меня с ног. От напряжения у него отвисла нижняя губа, и зубы сверкают ослепительной белизной в ярком утреннем солнце.

Он примчался из своей конуры, которая устроена с другой стороны дома под полом стоящей на столбах веранды, где скорее всего дремал после беспокойно проведенной ночи, пока мой двойной свист не

заставил его восторгнуться. Конура закрыта занавесками из дерюги и устлана соломой, отчего в шерсти Баушана, и без того несколько взъерошенной от лежания, и между когтями лап почти всегда торчат соломинки, — зрелище, всякий раз напоминающее мне старого графа Моора, каким я однажды видел его в чрезвычайно натуралистической постановке: он появлялся из башни, где его морили голодом, еле волоча «босые» ноги в розовом трико с торчащей между пальцами соломой. Я невольно становлюсь боком к мчащемуся на меня Баушану — занимаю, так сказать, оборонительную позицию, ибо его очевидное намерение кинуться мне под ноги и повалить на землю неизменно вводит меня в заблуждение. Однако в последнюю секунду, когда Баушан уже, кажется, вот-вот налетит на меня, он вдруг резко тормозит и сворачивает в сторону, что свидетельствует о его умении великолепно владеть как собой, так и своим телом; и тут в полном молчании — Баушан не часто пользуется своим звучным и выразительным голосом — он начинает кружиться вокруг меня в какой-то неистовой приветственной пляске, в которой притоптывания сменяются безумными виляниями не только предназначенного к тому самой природой хвоста, но захватывают в страстном порыве и заднюю часть туловища до ребер, переходят в винтообразные движения всего тела, замысловатые прыжки в воздухе и повороты вокруг собственной оси; но Баушан почему-то упорно пытается скрыть это представление от моего взора, так что, куда бы я ни повернулся, он всегда оказывается за моей спиной. Однако стоит мне только нагнуться и протянуть руку, как Баушан одним прыжком уже подле меня и, прислонившись плечом к моему колену, застывает как изваяние; он стоит, прижавшись ко мне всем боком, упершись крепкими лапами в землю, и, запрокинув морду, снизу вверх глядит мне в лицо; в сосредоточенном внимании, с каким он прислушивается к ласковым словам, которые я бормочу, хлопая его по лопатке, чувствуется не меньшая сила страсти, чем в прежних его бурных изъявлениях восторга.

Баушан — короткошерстная немецкая легавая, если отнестись к такому определению не слишком придирчиво, а принять его с должной крупницей юмора, ибо если разобрать Баушана по косточкам, или, как полагается говорить, по статьям, то его вряд ли можно отнести к чистокровным представителям этой породы. Прежде всего Баушан мал, он, надо прямо сказать, значительно меньше обычных подружейных легавых, и потом передние лапы у него чуточку кривоваты, что тоже не вполне соответствует признанному идеалу. Некоторая склонность к «подгрудку», то есть к мешкообразным складкам кожи под шеей, которые придают собачьей осанке особую величавость, чрезвычайно красит Баушана, но и это с точки зрения ревнителей собаководства, наверное, было бы поставлено ему в упрек, ибо у легавых, насколько мне известно, кожа должна плотно прилегать к шее. Окрас Баушана очень хорош. По кофейной рубашке у него разбросаны черные пятна. Но местами проглядывают и белые пезинки, почти сплошь покрывающие грудь, живот и лапы, тогда как тупую морду Баушана, кажется, взяли да и окунули в чернила. На широком лбу и прохладных, лопухом, ушах черная и кофейная шерсть сплетается в причудливый бархатистый узор, но всего забавнее и милее вихор, в который закручивается у него на груди белая псовина, торчащий, словно шип на старинном панцире. Впрочем, пестрота Баушана тоже может показаться «недопустимой» тем, для кого чистота родословной важнее личных качеств, ибо классической легавой, говорят, надлежит быть одноцветной или пегой в крапе, но никак не пятнистой. Однако главным камнем преткновения при формальном подходе к определению породы Баушана служит, конечно, обильная растительность, свисающая у него с уголков верхней губы и с подбородка, которая не без основания может быть названа усами и бородой и составляет, как известно, характерную особенность пинчера или шнауцеля.

Но не все ли равно, легавая или пинчер! Что за красавец и симпатяга Баушан, когда он вот так стоит, прижавшись к моему колену, и снизу вверх глядит

на меня с беспредельной преданностью! Лучше всего у него глаза — кроткие и умные, хотя, быть может, слишком выпуклые и потому чуть-чуть стеклянные. Радужная оболочка глаз — каряя, такого же кофейного оттенка, что и шерсть, но из-за отливающего черным непомерно расширенного зрачка она кажется узеньким колечком, которое тут же переходит в белок. Прямота и смышленность — а именно эти душевные качества написаны на морде Баушана — свидетельствуют о его нравственном мужестве, а телосложение — о мужестве физическом: выпуклая грудная клетка с четко выступающими под тонкой и эластичной кожей мощными ребрами, подтянутый живот, нервные ноги в сетке сухожилий, крепкие, в комке, лапы — все это говорит об отваге и мужской доблести, говорит о мужицкой охотничьей крови; да, в облике Баушана чувствуется настоящий охотничий пес, и, на мой взгляд, он по праву может называться легавой, хоть и не обязан своим появлением на свет чванливому кровосмесительству; таков примерно смысл сбивчивых и довольно бессвязных слов, которые я говорю Баушану, похлопывая его по плечу.

А он стоит и смотрит, прислушивается к звукам моего голоса, улавливая в убеждающих интонациях явное одобрение своей персоне. И вдруг быстрым движением вскидывает голову к самому моему лицу и смыкает в воздухе челюсти, будто хочет откусить мне нос, — пантомима, которая служит, по-видимому, ответом на мои похвалы и всякий раз заставляет меня со смехом отпрянуть, к чему Баушан тоже давно привык. Это своего рода воздушный поцелуй, наполовину ласка, наполовину шалость, штука, которую он проделывал еще щенком и не свойственная ни одному из его предшественников. Впрочем, он тут же со смущенно-лукавым видом просит прощения за допущенную вольность, виляет хвостом и смешно пригибает голову. Но вот мы выходим за калитку.

Навстречу нам несется шум, похожий на рокот моря. Дом мой стоит возле быстрой порожистой реки, от которой его отделяет лишь тополевая аллея, обнесенная решеткой полоска газона с молоденькими

кленами и насыпная дорога; по обе ее стороны растут огромные осины — великаны, явно подделывающиеся под старые искривленные ветлы; их белый пух к началу июня будто снегом засыпает окрестность. Вверх по реке, в сторону города, саперы проводят занятия по наведению понтонного моста. Стук их тяжелых сапог о доски настила, отрывистые слова команды явственно долетают до нас. С другого берега слышатся заводской шум и грохот: вниз по течению, наискось от нашего дома, раскинулись корпуса большого паровозостроительного завода, который за войну сильно разросся; длинные окна его цехов всю ночь напролет светятся в темноте. Новенькие, отливающие лаком паровозы, проходя испытание, деловито снуют взад и вперед. Иногда протяжно завоет гудок, какой-то глухой стук время от времени сотрясает воздух, и из множества труб валит дым, но ветер, по счастью, относит его за лес на противоположном берегу, да и вообще-то дым редко переползает через реку на нашу сторону. Так мешаются в полупригородном, полудеревенском уединении этого уголка звуки погруженной в самое себя природы и человеческой деятельности, и надо всем сияет ясноокая свежесть раннего утра.

Обыкновенно я выхожу на прогулку этак в половине восьмого по официальному времени, на самом деле, значит, в половине седьмого. Я иду, заложив руки за спину, по залитой нежарким еще солнцем аллее, которую пересекают длинные тени тополей; реки мне не видно, но я слышу ее вольное мерное течение; тихо шелестят деревья, воздух наполнен неумолчным чириканьем, щебетом, раскатистыми трелями и переливами певчих птиц; во влажной голубизне неба, с востока, летит аэроплан — жесткая механическая птица, направляя свой ничем не стесненный полет над рекой и лесом; гул его сперва усиливается, затем постепенно замирает; а Баушан радуется своими легкими красивыми прыжками через низенькую решетку газона — туда и обратно, туда и обратно. Он прыгает, зная, что доставляет мне удовольствие; ведь я сам обучал его этому, постукивая

тросточкой по ограде, и хвалил, когда у него хорошо получалось; вот и теперь он чуть ли не после каждого прыжка подбегает ко мне, ждет, что я скажу ему — какой он молодчина, какой он смелый и ловкий пес, пытается допрыгнуть до моего лица и, когда я его отстраняю, мокрым носом муслит мне ладонь. Кроме того, эти усердные гимнастические упражнения заменяют ему утренний туалет, с их помощью он приглаживает свою взъерошенную шерсть и избавляется от застрявших в ней соломинок старика Моора.

До чего же хорошо после целительной ванны сна и долгого забвения ночи, помолодев телом и очистившись душой, ранним утром выйти на прогулку. Бодро, уверенно взираешь ты на предстоящий день, хоть и медлишь начать его, желая сполна насладиться чудесными, свободными от всяких обязательств и забот минутами между сном и работой, которые достались тебе в награду за примерное поведение. Ты тешишь себя иллюзией, что всегда будешь жить такой вот простой, серьезной, созерцательной жизнью, что всегда будешь волен распоряжаться собой, ибо человек почему-то склонен считать минутное свое состояние, весел он или подавлен, спокоен или возбужден, за единственно истинное и постоянное и всякое счастливое *ex tempore*¹ мысленно возводить в непреложное правило и нерушимый закон, тогда как в действительности он осужден жить по наитию изо дня в день. Вот и веришь, вдыхая утренний воздух, в свою свободу и добродетель, хотя должен бы знать, да по существу и знаешь, что мир уже плетет для тебя свои сети и что скорее всего ты уже завтра провалишься в кровати до девяти, потому что накануне развлекался и только в два часа ночи, разгоряченный, захмелевший и взвинченный, удосужился лечь в постель... Пусть так. Но сегодня ты образец благоразумия и внутренней дисциплины и самый под-

---

¹ Буквально: «вне времени» (лат.); здесь употреблено в значении необычайного происшествия, нарушающего привычный порядок вещей.

ходящий хозяин вот для этого юного охотника, который только что опять перемахнул через ограду газона от радости, что сегодня ты, как видно, предпочитаешь общаться с ним, а не с обитателями того, большого мира.

Мы идем по аллее минут пять до того места, где она перестает быть аллеей и превращается в хаотическое нагромождение крупного щебня, тянущееся вдоль реки; тут мы сворачиваем вправо на засыпанную более мелким щебнем широкую, но пока еще не застроенную улицу, по которой, однако, как и по нашей аллее, проложена велосипедная дорожка; улица эта проходит между расположенными несколько ниже ее лесистыми участками и упирается в склон горы, замыкающей с востока наш прибрежный район — местожительство Баушана. Немного погодя мы пересекаем еще другую, тоже будущую улицу; выше, возле трамвайной остановки, она сплошь застроена доходными домами, но здесь, ничем не огражденная, идет куда-то через лес и поле; затем мы по отлого спускающейся дорожке попадаем в великолепный парк, разбитый на манер курортных парков, но совершенно безлюдный, как, впрочем, и вся местность в этот ранний час; везде стоят скамейки, покатые дорожки звездообразно сходятся или приводят к площадкам для детских игр, вокруг — зеленые поляны с купами старых, пышно разросшихся деревьев — вязов, буков, лип, серебристых ветел, кроны которых спускаются так низко, что оставляют на виду лишь небольшой кусочек ствола. Я не нарадуюсь на этот тщательно распланированный парк, в котором гуляю, как в собственном поместье. Все здесь продумано до мелочей, вплоть до того, что у посыпанных гравием дорожек, сбегających с отлогих, поросших травой холмов, зацементированы обочины. Гуща зелени то и дело расступается, открывая взору чудесный вид на белеющую вдали виллу.

Я прохаживаюсь по дорожкам, а Баушан, ошалев от зде́шнего приволья, носится как полоумный с поляны на поляну таким галопом, что у него даже заносит

зад, или же с негодующе-блаженным лаем гоняется за птичкой, которая то ли со страху, то ли затем, чтобы его подразнить, вьется над самым его носом. Но стоит мне сесть на скамейку, как Баушан уже тут как тут и пристраивается у меня в ногах. Ибо для моего четвероногого друга непреложный закон — бегать, когда я нахожусь в движении, и садиться, когда я сажусь. Надобности в этом никакой нет, но Баушан твердо следует этому правилу.

Мне и странно, и уютно, и забавно ощущать на ноге тепло его разгоряченного тела. Как и всегда почти, когда я бываю с Баушаном и гляжу на него, радостное умиление спирает мне грудь. Он и сидит-то по-крестьянски — лопатки наружу, ступни внутрь. В этой позе он кажется более приземистым и неуклюжим, чем на самом деле, а белый клок шерсти на груди выпирает совсем уж нелепо и смешно. Зато, взглянув на его важно поднятую голову, никто не осмелится обвинить его в неумении держать себя — столько в ней настороженного внимания... Мы притихли, и сразу же нас обступила тишина. Шум реки едва сюда долетает. И потому любой самый слабый шорох и движение вокруг становятся особенно слышны и привлекают внимание: вот в траве прошуршала ящерица, вот пискнула птаха, где-то поблизости роется крот. Уши Баушана подняты, насколько это позволяет мускулатура висячих ушей, голова, чтобы лучше слышать, наклонена набок, и ноздри влажного черного носа, втягивая все запахи, находятся в беспрестанном трепетном движении.

Потом он ложится, но так, чтобы все-таки касаться моей ноги. Он лежит в профиль ко мне, в древней как мир, симметричной позе полуидола-полузверя, сфинкс с поднятой головой и грудью, прижатых к туловищу локтями и бедрами и вытянутыми вперед лапами. Но ему жарко, он открывает пасть, — и сразу же вся непроницаемая мудрость его облика исчезает, и он становится самым обыкновенным псом: глаза моргают и суживаются, а из-за крепких белых клыков вываливается длинный розово-красный язык.

Сосватала нам Баушана плотная, не лишенная приятности, черноглазая фрейлейн, которая с помощью рослой и такой же черноглазой дочери содержала пансион в горах неподалеку от Тельца. Это случилось два года назад, и Баушан был тогда полугодовым подростком-щенком. Анастасия — так звали хозяйку пансиона — знала, что мы вынуждены были пристрелить нашу шотландскую овчарку Перси — слабоумного пса-аристократа, который в преклонном возрасте подхватил очень прилипчивую и противную накожную болезнь, — и с того самого дня нуждаемся в стороже. Она протелефонировала нам из своего горного домика и сообщила, что приняла на постой и на комиссию собаку, лучше которой и желать нечего, и что мы можем в любое время прийти ее посмотреть.

Уступив настояниям детей, — впрочем, нас, взрослых, тоже разбирало любопытство, — мы на следующий же день после обеда отправились в горы. Анастасию мы застали в просторной кухне, наполненной теплыми и сытными запахами; раскрасневшаяся и потная, с расстегнутым воротом и обнаженными по локоть округлыми руками, она готовила ужин своим постояльцам. Дочь со спокойной расторопностью подавала ей все нужное для стряпни. Нас приветливо встретили и не преминули похвалить за то, что мы явились без проволоочки. Заметив, что мы озираемся по сторонам, дочь хозяйки, Рези, подвела нас к кухонному столу, уперлась руками в колени и, склонив голову, адресовала несколько ласковых слов кому-то под столом. Оказывается, там, привязанное обрывком грязной веревки, стояло существо, которое в полумраке кухни, освещенной только отблесками огня, мы сначала не заметили и вид которого поневоле вызывал улыбку жалости.

Оно стояло, поджав хвост, сгорбившись и сдвинув все четыре тонкие, подгибающиеся от слабости лапы, и тряслось. Возможно, оно тряслось от страха, но скорее всего от полного отсутствия каких-либо

жировых или мускульных тканей, ибо это был форменный скелет — ребрышки и позвоночник, обтянутые облезлой шкурой, на четырех палочках. Уши у него были плотно прижаты — положение, которое способно сразу же погасить всякий признак живости и ума в физиономии собаки, а в его совсем еще щенячьей мордочке столь полно достигало этого эффекта, что она выражала одну только глупость, страдание и мольбу о снисхождении; к тому же усы и борода, и поныне украшающие Баушана, в ту пору были куда более пышными и придавали его и без того жалкому облику еще и оттенок угрюмой подавленности.

Все нагнулись, чтобы утешить и приласкать горемыку. И пока дети шумно изъявляли свою жалость, Анастасия, хлопоча у плиты, сообщила нам всю подноготную своего постояльца. Он сын почтенных родителей, и звать его пока что Люкс, — степенно рассказывала она ровным приятным голосом. Мать его она сама знала, а об отце слышала одно только хорошее. Родом Люкс с фермы в Хюгельфинге, и, если бы не некоторые чрезвычайные обстоятельства, хозяева никогда бы с ним не расстались; но теперь они вынуждены уступить его за сходную цену, для чего и доставили песика к ней — ведь у нее в доме всегда бывает много народу. Хозяева приехали в своей тележке, а Люкс все двадцать километров мужественно бежал между задними колесами. Зная, что мы ищем хорошую собаку, она сразу подумала о нас и почти уверена, что мы его возьмем. Тогда все устроится ко всеобщему благополучию. Нам собачка, несомненно, придется по душе, Люкс, со своей стороны, имея теплый угол, уже не будет чувствовать себя таким одиноким и неприкаянным, и она, Анастасия, перестанет беспокоиться за него. Пусть нас только не смущает его понурый и несчастный вид. Его сбила с толку незнакомая обстановка, и он потерял уверенность в себе. Но в скором времени мы поймем, от каких он превосходных родителей.

— Да, но они, по-видимому, не очень-то друг к другу подходили.